ДАНИЭЛЬ ЗАГУРИ

ведущий судебный психиатр Франции

МОЗГ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

18+

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ СУДЕБНОГО ПСИХИАТРА

ОТ ГРУБОЙ ЖЕСТОКОСТИ ДО ВАМПИРСКИХ ФАНТАЗИЙ

Флоранс Ассулин
Даниэль Загури

Мозг серийного убийцы. Реальные истории судебного психиатра

Серия «Портрет психопата. Профайлер о серийных убийцах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69014116
Мозг серийного убийцы : реальные истории судебного психиатра / Даниэль Загури, Флоранс Ассулин ; [перевод с французского З. Линник].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-185064-7

Аннотация

Даниэль Загури – ведущий судебный психиатр Франции, заведующий отделением крупнейшего Психиатрического центра в Париже и старший эксперт главного французского Апелляционного суда.

В книге:

– личные впечатления от встреч с самыми известными французскими серийными убийцами и насильниками, в том

числе, Арденнским чудовищем Мишелем Фурнире, замучившим несколько десятков молодых женщин;

– шокирующие истории реальных преступлений от знаменитого судебного психиатра, эксперта и профайлера;

– эмоциональные и интригующие рассуждения о природе психопатии убийц, маньяков и садистов;

– глубокое погружение в подлинные мотивы кровавых и безжалостных преступников;

– разоблачение голливудских мифов о серийных убийцах из знаменитых фильмов, таких как «Молчание ягнят» и других.

От грубой жестокости до вампирских фантазий.

—

«Даниэль Загури – один из тех, кто способен понять, что скрыто в мрачных пещерах разума убийц». – Pascale Robert-Diard, Le Monde

«Книга, полная страсти и интриги». – ELLE

«Загури виртуозно раскрывает логику ума убийц». – Elsa Vigoureux, Le Nouvel Observateur

«…Загури не рисует читателю притягательный, интригующий образ таинственного и хитроумного злодея-мучителя. Он преподносит совсем иной "портрет", не имеющий ничего общего с романтизированным массовой культурой серийником». – Анна Кулик, судебный эксперт, профайлер

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к русскому изданию 7
Введение 10
1. Психиатр ужасов 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Даниэль Загури, Флоранс Ассулин Мозг серийного убийцы. Реальные истории судебного психиатра

Daniel Zagury, Florence Assouline
L'ÉNIGME DES TUEURS EN SÉRIE

© Plon, 2008. Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

Научный редактор *Анна Кулик*

© Линник З., перевод на русский язык, 2023
© Кулик А.В., предисловие, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие к русскому изданию

Не открою секрета, если скажу, что о профайлинге и профайлерах люди узнают все больше, встречают их в кино и книгах все чаще. Еще 10 лет назад, когда на вопрос о своей профессиональной деятельности осторожно отвечала «профайлер», я слышала в лучшем случае просьбу объяснить, что это значит. Но попробуйте сейчас спросить у Яндекса что-нибудь про профайлинг. Вы получите тысячи статей: здесь обещают волшебную способность читать людей, как открытую книгу; тут убеждают, что вас будут учить по секретным методикам не менее секретных спецслужб; а на второй-третьей странице выдачи поисковика вы почти наверняка увидите профайлинг в одном ряду с астрологией, таро, ясновидением. Кто-то даже предлагает подарочные сертификаты на ужин с «профайлером». Пожалуй, за годы работы мы с коллегами не встречали разве что профайлеров, которые проводят спиритические сеансы. Мы знаем множество профессионалов, которых такое количество небылиц вокруг профайлинга глубоко печалит. И мы с командой в их числе…

Такое начало предисловия для книги о судебной психиатрии может показаться странным. Однако, как известно, профайлинг (а если быть точной – криминальное профилирование) своим появлением обязан и судебной психиатрии в том числе, с которой сегодня связано тоже немало мифов и

разночтений. Поэтому такая параллель кажется мне вполне оправданной.

Постоянный поиск новых знаний о поведении человека обязывает меня читать значительное количество литературы, как чисто научной, так и публицистической. Попадается разное. Научные труды и результаты психолого-психиатрических экспертиз оставим за скобками: там много терминологии и огромных сложноподчиненных предложений, разбор которых в предисловии займет слишком много внимания читателя. Такие тексты в основном беспристрастны. Чего не скажешь о некоторых образчиках публицистики и журналистских расследований. Все чаще в них я встречаю попытки «понять» очередного серийника, разглядеть в причинах его поведения одну-единственную, главную – холодных родителей, несправедливое окружение или вечно коварное государство. Такой узко ориентированный подход к вопросу всегда казался мне странным, тем более что действительно хороших работ о поведении тех, кого принято называть маньяками, написанных общедоступным языком, довольно много. Можно лишь протянуть руку и почитать, чтобы не плодить мифы и несуразицу.

И сейчас вы, уважаемый читатель, держите в руках одну из таких работ. Сдержанная, но не лишенная профессионального юмора книга известного французского судебного

психиатра не просто приоткрывает дверь в сложный и противоречивый мир серийных убийц. Она дает представление о том, с чем сталкивается эксперт при работе с теми, на кого многие люди не смогли бы взглянуть без отвращения, не то что уж поздороваться или пожать руку.

Раскрывая тонкости своей ежедневной работы и психологии преступников, Загури не рисует читателю притягательный, интригующий образ таинственного и хитроумного злодея-мучителя. Он преподносит совсем иной «портрет», не имеющий ничего общего с романтизированным массовой культурой серийником.

На мой взгляд, это одно из главных достоинств этой довольно взвешенной и в то же время насыщенной книги, ведь в эпоху повальной любви массмедиа к всевозможным извергам и психопатам автор говорит читателю, что «А король-то голый!».

Впрочем, разумеется, это не единственное ради чего стоит уже перелистнуть последнюю страницу предисловия.

Анна Кулик,

судебный эксперт, профайлер, руководитель Научно-исследовательского центра корпоративной безопасности, научный редактор русского перевода этой книги

Введение

Серийным убийцей называют того, кто последовательно, через произвольные промежутки времени, одного за другим убил по меньшей мере трех человек, сделав это хладнокровно и без видимых побудительных мотивов.

Сегодня бытует немало мифов о серийных убийцах. Им посвящено порядка тысячи фильмов, где они наделены умом и хитростью, ищут славы, бросают вызов следователям и сеют жуткие подсказки-символы. Они упорно следуют своей преступной стезе, пока на их пути не встает некий положительный герой. Масштабность фигуры героя определяется величиной зла, воплощением и парадигмой которого стал стереотипный серийный убийца. *Профайлер*[1] должен выйти победителем из этой титанической схватки.

Но оставим в покое Голливуд. Кто возьмется утверждать, что знает все о настоящих serial killers[2]? В рамках уголовных

---

[1] Профайлер – специалист, профессиональная деятельность которого заключается в составлении психологического портрета (профиля) человека по наиболее информативным поведенческим признакам, биографическим данным и иной информации. В качестве частного примера работы профайлера можно привести составление портрета преступника по известным обстоятельствам совершения преступления. Однако это не единственный вариант применения навыков профайлеров. – *Прим. науч. ред.*

[2] Серийные убийцы (*англ.*). – *Прим. пер.*

расследований я опросил их целую дюжину. Будет неловко на вопрос, заданный прямо в лоб, как это принято в средствах массовой информации, дать простой и прямой ответ, начав фразу следующим образом: «Вот, что я вам скажу…» Отстранившись от всяческих фантасмагорий, я решил написать книгу, которая была бы надежно привязана к клиническому опыту. Нельзя сказать, что все избранные пути вели меня к окончательному ответу – той магической формуле, которая служит разгадкой тайны. Но мы увидим, что все они сходятся в определенных точках или на перекрестках – почти всегда одних и тех же, – что позволяет нам не просто предполагать.

По-прежнему сдержанно и с опаской относясь к обаянию серийных убийц, я тем не менее считаю, что увлечение ими связано с вполне закономерным интересом. Именно поэтому я решил подойти к этому вопросу как к некоей загадке: что побуждает некоторых людей совершать такие деяния?

Французским серийным убийцам посвящено множество телевизионных репортажей – поражающих воображение и во многом повторяющих друг друга. С легкой руки режиссера уникальность случая в них исчезает, уступая место эмоциональной мобилизации публики. Подобные вещи меня неизменно удивляют: в телешоу о серийных убийцах очень мало внимания – и это еще мягко сказано – уделяется психиатрической экспертизе. Самое большое, что можно услышать в качестве вывода, сводится к одной вырванной из контекста

реплике: «Эксперты сочли его (цитирую дословно!) не подлежащим реабилитации». Краткий комментарий сопровождает секундное появление на экране целой страницы с выводами специалистов. Драматургия балансирует на грани между репортажем, рассказом о расследовании с его тупиками и неожиданными поворотами и реалити-шоу, щекочущим нервы зрителям. Реальная история подается как захватывающий триллер. Чтобы каждый ощутил эффект присутствия, камера медленно, словно исследуя пространство, ведет зрителя по лестнице в доме жертвы: это могли быть последние шаги человека, убившего собственную дочь, за мгновение до того, как начался неописуемый кошмар. И все это сопровождается тревожным крещендо, будто в каком-то фильме ужасов. Трепещите, родители, чья дочь-студентка живет в квартире-студии! Нас это затрагивает самым непосредственным образом. Убийца где-то рядом.

Журналистские материалы строятся на хронике расследования, свидетельствах тех, кто их проводил и тех, кто общался с преступником в повседневной жизни, а также на рассказах родственников и близких жертв. Отсюда вытекает определенное представление об убийце, которое формируется в соответствии с его биографией, – начиная с детских лет и до совершения преступления. Это приводит к некоторому диссонансу, так как саспенс плохо сочетается с мрачной реальностью и той болью, которую переживают семьи пострадавших.

По чьей злой воле слово психиатра столь мало значит? Неужели он до такой степени недостоин внимания, даже после десятков часов работы в экспертной коллегии, многолетних размышлений и педагогической деятельности, не говоря уже о кошмарах и бессонных ночах? Разве он не может сказать что-то действительно существенное?

Без сомнений, ответ будет прозаичным. Авторитетное мнение специалистов никоим образом не сочетается с драматургией, нацеленной на то, чтобы держать в напряжении зрительскую аудиторию и поддерживать рейтинг. Картину, которую оно формирует, невозможно свести к нескольким наводящим ужас тезисам: во всем повинны поведение матери, отсутствие отца, недостаток образования, жестокое обращение в детстве, пережитое сексуальное насилие, неосознанные стремления, гены, полиция, социальные службы, психиатры, педагоги и т. д. Психиатр исследует первопричины преступления, психическую реальность преступника. Его анализ выявляет человека, а не монстра, несчастливую судьбу, а не сверхчеловека, функционирование ущербной психики, а не адский механизм злого ума. Он разрушает очарование, сдерживает попытки морального осуждения. Конечно, врач разделяет всеобщее негодование в связи с такими деяниями, но это не его дело. Перед ним стоит совсем другая задача.

По сути дела, к эксперту-психиатру обращаются, чтобы

получить ключ, узнать глубинную причину свершившегося злодеяния, его «почему». Специалист лишь описывает движения психики, исследует организацию личности преступника, разбирается в «устройстве» зла.

Рассуждения психиатра могут показаться странными. Он отрицает безумие и одновременно отвергает нормальность: исключает в преступнике монстра, но сообщает о множестве бесчеловечных механизмов, которые им движут. «Эксперты в очередной раз ничего не прояснили», – такие высказывания регулярно содержатся в отчетах о судебных заседаниях. Гора преступления родила мышь психологии. Несколько плоских формул, в то время как можно было обнаружить столько всего в глубинах человеческой души!

Возможно, лучше понять это разочарование поможет простой пример: все свидетельства выживших строятся по схожему шаблону. У того, кто держал их в своей власти, глаза вылезают из орбит, звериный взгляд исполнен чудовищной жестокости, черты лица искажены и с губ не сходит язвительная усмешка. В жуткой безнадежности последнего мгновения – короткого и одновременно бесконечного промежутка времени – тот, у кого есть сила и воля лишить вас жизни, узурпировать место бога, обращается во всемогущее создание. И чем больше ужас, который убийца внушает жертве, тем более всесильным он кажется самому себе.

Таким образом, уцелевшая жертва, ее семья, общество и

сам преступник, как это ни парадоксально, могут разделять одну и ту же фантазию о разрушительном всемогуществе убийцы.

Специалист-психиатр – это человек, который пришел сказать: «А король-то голый!» Это идет вразрез с универсальный опытом, который, впрочем, затронет и его самого, доведись ему пережить подобное. Убийцей движет не то, на что он претендует, и не то, что ему обычно приписывают.

Преступник, преступная фантазия, фантазия преступника и фантазии о преступнике – это многоплановые понятия. Грамотная экспертная оценка не похожа на хороший детектив, который использует все регистры, заставляя смыслы резонировать друг с другом. Она ограничивает круг рассматриваемых вопросов, чтобы сделать действительно стоящий вклад, а также предполагает строгий подход и отказ от целого ряда предрассудков. Возможно, все это выглядит менее захватывающим, но определенно более достоверно.

Чтобы следовать за мной по страницам этой книги, в первую очередь нужно попытаться отложить в сторону метафизические и моральные ожидания, а также любую окончательную и якобы обобщающую систему объяснений. В противном случае мы только и будем делать, что колебаться между отвращением, очарованием, неприятием (монстр, сумасшедший, зверь, робот…), или еще больше утвердимся в верности предварительно усвоенной концепции.

В соответствии со своей профессией я использую другой подход, прежде всего клинический. Что в свете имеющейся у меня информации можно сказать об этом человеке, проследив путь, который он проделал, прежде чем совершить преступление, а затем повторив его? Есть ли у него что-то общее с теми субъектами, кого мне уже довелось изучать? Имеется ли сходство с аналогичными случаями, имевшими место в Америке?

Опять же, серийный убийца – это современная парадигма зла. Я прочитал десятки трактатов о зле и признаюсь, мне часто бывало скучно. Зло – очевидность, в которой мы существуем, при этом отрицая тот факт, сколь важное место оно занимает в сводках новостей, а порой и в нашей повседневной жизни. Я не раз повторял, что любое происшествие – это внезапное вторжение греческой трагедии в нашу реальность, этакий десерт. Каждый раз мы этим удивлены, потрясены, поражены. Мы стараемся отгородиться с помощью набора выражений, которые спонтанно срываются с языка, блокируя основательные размышления. Это одна из редких областей, где используются те же формулировки, что и в политическом клубе или светском салоне. Затем мы возвращаемся к обычному течению жизни до следующего испуга, который испытаем днем позже при очередном просмотре новостей. Многие статьи и исследования не слишком отличаются от болтовни за барной стойкой, не говоря уже о политических заявлениях, которые произносятся в соответству-

ющих случаях.

Зло не обязательно бывает хитрым, при этом я уверен, что оно не способно сделать кого-то умнее. Наша реакция на зло, как правило, самая стереотипная и банальная. Избежав столкновения с ним, мы наделяем его рассудочностью и коварством. Поскольку логика, лежащая в основе чудовищных поступков, кажется нам чуждой, мы приписываем преступникам сверхчеловеческие способности.

Порядочному, доброму, праведному нужен равноценный соперник, в большей или меньшей степени наделенный дьявольским лукавством. Утверждать, что зло может быть банальным, посредственным, глупым – значит противоречить теологии. Да и к тому же: вот пойдите и скажите следователю-профессионалу, что он потратил годы, охотясь на дурака! Миф об интеллекте кровавого преступника – это вредный стереотип. Между тем, бесспорно, существует рациональность преступления – примитивная или более развитая. Именно она бросает нам вызов и предлагает разгадать загадку. Вот ее мы и постараемся описать. При этом, с одной стороны, нам не терпится узнать эту тайну, а с другой, мы изо всех сил стремимся ее игнорировать. Для многих специалистов это не секрет: стоит попытаться ответить на какой-нибудь животрепещущий вопрос, и вы сразу же покажетесь плоскими и пресными. Откажетесь отвечать на него – и все будут смеяться над вашими ложными знаниями Диа-

фуаруса[3] в зале суда. Попытаетесь объяснить, как действует психический механизм, – и результатом будет глухая враждебность: чего ради препарировать эти процессы, ведь жертв это не вернет к жизни?! С тех пор как я заглянул в «клинику ужасов», меня регулярно охватывает чувство тщетности всяких усилий. Поэтому я могу понять эмоции людей и даже смириться с тем, что подобные вопросы кажутся кому-то неуместными. Однако истина – гораздо более приземленная вещь, чем многочисленные фантазии, которые беспрестанно рождаются благодаря серийным убийцам.

Я не философ, не теолог, не писатель и не журналист. И все же мне хочется засвидетельствовать, что дьявол кроется в мелочах: в биографии, в умственной деятельности, в методах, которые использует убийца. Вместе с тем даже самый жестокий серийный убийца – это не Сатана собственной персоной. Дьявольская сущность может принимать разные обличья, но логика у нее остается примерно одинаковой. В основе всего – психическая функция. Вот почему я не стану рассказывать историй, но в каждом конкретном случае буду неустанно поднимать один и тот же вопрос: что для Ги Жоржа, Патриса Алегре, Мишеля Фурнире, Пьера Шаналя[4] и некоторых других послужило толчком к совершению преступления? Так как невозможно объять необъятное, я пред-

---

[3] Персонаж комедии Ж. Б. Мольера «Мнимый больной» – врач Диафуарус сыплет научными терминами, но его знания лишь видимость. – *Прим. пер.*

[4] Не осужден по суду.

ставлю лишь некоторые аспекты каждого случая. Эти уголовные дела были подробно рассмотрены во время публичных судебных процессов, и для моего обращения к ним нет никаких юридических препятствий. В то же время существуют проблемы, связанные с медицинской этикой, которая требует следовать определенным нормам. Врач не имеет права осуждать даже самого безжалостного убийцу и должен, вне зависимости от того, насколько отвратительны вменяемые этому человеку преступные деяния, относиться к нему без ненависти.

Профессиональная врачебная этика обычно выступает против того, чтобы публикация клинических случаев позволяла распознать рассматриваемых субъектов. Без сомнения, это невыполнимо для большинства серийных убийц, чьи дела фигурировали в новостях и вызвали общественный резонанс. С другой стороны, серийное преступление нельзя рассматривать как обычный симптом. Симптом относится к области глубоко личного, преступление – к области общественного. Я считаю своей обязанностью попытаться беспристрастно выяснить, как работает преступный механизм, и внести разумное научное суждение в медиадебаты, переполненные причудливыми домыслами, некоторые из которых представляются потенциально криминогенными. Речь идет не о том, чтобы вывернуть наизнанку психическое нутро преступника. Мы сосредоточимся на изучении механизмов, лежащих в основе его действий и побуждений.

Случай Пьера Шаналя особенный, поскольку он покончил с собой, чтобы избежать судебного процесса, и неважно, как расценивается этот поступок. Поэтому относительно него я буду высказывать лишь те предположения, которые находятся в рамках медицинской этики. Несмотря на предъявленные Шаналю тяжкие обвинения, этот человек по-прежнему считается невиновным, так как, избежав земного суда, он не был осужден в законном порядке.

Тон этой книги может у кого-то вызвать неприятие. Я много беседую с разными людьми, и по роду своей деятельности мне приходится не отгораживаться от эмоций, а пропускать их через себя. Доводилось прочувствовать разное: от глубочайшего отвращения и предельного дискомфорта до сочувствия. Иначе я не смог бы выполнять ту непростую задачу, которая каждый раз возлагается на меня, как и на каждого из моих коллег. Иными словами, не было никакого смысла тратить свое время на то, чтобы в очередной раз подчеркнуть все отталкивающее, что связано с этой темой, и вызвать у читателя яростную неприязнь. Именно такой ценой можно попытаться пролить свет на рациональность зла, которое бросает вызов нашей способности мыслить.

Ничто так не выбивает меня из колеи, как все эти завораживающие и увлекательные рассказы, где буквально через строчку сталкиваешься с морализаторством. Помимо всего прочего, ужас может принимать форму неуместной восторженности. С другой стороны, увлеченность или снисхо-

дительность были бы тем более неприемлемы. Осветить не означает понять и еще меньше – принять!

Я взял на себя обязательство указывать имена жертв, лишь когда это было необходимо, и не делать акцента на их мучениях, не поддаваясь порывам сочувствия и оставаясь в рамках профессиональной сдержанности. Вероятно, будучи подвержен эмоциям, которые неизбежны в подобных ситуациях, я где-нибудь нарушу принципы, которые сам же установил. Как-то раз один из моих наставников по криминалистике признался мне в этом тоном, не оставляющим сомнений, что вызвало у меня еще большее уважение к этому человеку: «Подробности о мучениях маленькой девочки я унесу с собой в могилу. Это навеки запечатлелось в моей памяти». Боюсь, теперь я могу сказать о себе то же самое.

Мне бы хотелось, чтобы эта книга стала трезвым и бескомпромиссным размышлением о природе зла, основанном на моем опыте работы с серийными убийцами. Если мне удастся отделить реальность кровавых преступлений от связанных с ними мифов, засвидетельствовать, что Голливуд находится в миллионе световых лет от реальности грязных дел и сломанных человеческих судеб, объяснить, что все эти злодеи – не более чем неудачники, трусливо нападающие на беззащитные жертвы, эта книга не будет совсем уж бесполезной.

Я написал почти сотню статей по клинической практике,

психопатологии и судебной психиатрии для специализированных журналов, предназначенных моим коллегам и юристам. Нижеследующее повествование призвано охватить как можно более широкую аудиторию тех читателей, которые не обладают специальными знаниями в этих областях. Вот почему я попросил Флоранс Ассулин помочь мне. Постараюсь придерживаться максимальной ясности и доходчивости, избегая профессионального сленга, при этом надеюсь не поддаться психологическим уловкам и манипуляциям, присущим этим неординарным и в то же время таким жалким индивидуумам – серийным убийцам.

Какой смысл в том, чтобы давать простые и окончательные ответы на глобальные антропологические вопросы? Будто кто-то заставляет нас утверждать, что мы прикоснулись к побудительной причине, ultima ratio[5] преступления. Как правило, такие упрощенные объяснения никого не устраивают, особенно в случае с серийными убийцами, когда ни страсть, ни расчет не подходят в качестве разумного довода. И все это ни на шаг не приближает нас к разгадке тайны.

И последнее. Мне приходилось сталкиваться с тем, что при изучении следственных материалов обнаруживалась ошеломляющая человеческая правда, которая внезапно всплывала в связи с заявлениями преступника. В подоб-

---

[5] Ultima ratio (*лат.*) – последний довод или средство урегулирования проблемы, когда все остальные испытанные меры ни к чему не привели. – *Прим. пер.*

ных случаях я с самого начала знаю, что буду не на высоте: все мои профессиональные усилия и десятки часов работы не помогут. Мой анализ будет всего лишь очередной речью. Но иначе и быть не может. Мне кажется, это понял Трумен Капоте[6], посвятивший себя служению слову и отстаивавший правду своих главных персонажей: убийц, следователей, представителей средств массовой информации, адвокатов, прокуроров и издателей. Он завершил свой грандиозный труд[7], ни разу не изменив трезвой отстраненности и не поддавшись искушению вытащить из шляпы кролика. Его повествование остается хладнокровным. И мы знаем, какой ценой это достигнуто! Гениальности писателя хватило на то, чтобы рассказать о работе экспертов точнее, чем это делается в реальной жизни: ведь мы никогда не сможем потратить столько времени и труда на одно уголовное дело, подробно описывая его от совершения преступления до реакции общества.

Но особенность нашего подхода состоит не в том, чтобы не становиться ни на чью сторону и оставлять каждому свою правду. Безусловно, любое обобщение при рассмотрении такого феномена, как серийные убийцы, в значительной степени является мифом, учитывая географическое, культур-

---

[6] Трумен Капоте (1924–1984) – американский романист, драматург театра и кино. Рассказы, романы, пьесы и документальные произведения Капоте признаны литературной классикой. – *Прим. пер.*

[7] Роман «Хладнокровное убийство» (In Cold Blood). – *Прим. пер.*

ное и психологическое разнообразие совершаемых преступлений. Однако с клинической точки зрения можно выделить общие причины и закономерности. Убивать и делать это снова и снова – подобное совместимо только с некоторыми, довольно специфическими фактами биографии, особенностями организации личности и отношения к миру. Иными словами, насколько я не верю в общую теорию преступности, настолько же считаю, что у большинства serial killers обнаруживаются одинаковые «силовые линии».

Именно их поискам и посвящена эта книга; в ней мы не раскроем тайну полностью, заменяя тьму светом, но зададим условия уравнения, обозначив его неизвестные.

1. Психиатр ужасов

Не было никаких предпосылок тому, что я стану, по выражению моих детей, «психиатром ужасов». На самом деле моя карьера судебного эксперта, «специализирующегося» на серийных убийцах, возникла из-за двойной травмы: профессиональной и личной.

Речь идет о моей встрече с Жюльеном.

Любой эксперт-психиатр однажды сталкивается с чем-то чудовищным. Это родители, убивающие своих детей; изверги, разделывающие трупы жертв; безумцы, чьи действия сопровождаются грубым насилием; преступления, отличающиеся немыслимой кровожадностью и варварством. Испокон веков история судебной психиатрии изобилует уголовными делами, будоражащими общественность, – настолько мотивы преступников не вяжутся со здравым смыслом. Подобно всем, кто соглашается погрузиться во мрак преступлений, совершенных «без причины», я столкнулся со своей порцией мерзостей. Но независимо от степени жестокости до встречи с Жюльеном я примерно знал, с чем имею дело. Когда отец убивает дочь, чтобы уничтожить воплотившегося в ней демона, или медсестра умерщвляет больного, потому что его тело находится во власти зла, врач обнаруживает психопатологический симптом пароксизмального бреда. Ему удается выявить вспышку, характерную для че-

ловека, который балансирует на краю пропасти. У преступника с психическим расстройством такая вспышка характеризуется немедленным действием, направленным на защиту чего-то жизненно важного для него. Врач знает, что такой субъект переходит к нападению, когда чувствует себя на грани психического распада. Например, ему угрожает пугающий образ матери-кровосмесительницы, которая превращается в монстра и собирается поглотить его. Теоретически психиатр обладает клиническими инструментами для расшифровки процессов, порождающих такой переход к преступному деянию. Случай Жюльена выходил за рамки известных методик. Справедливости ради стоит отметить, что в судебно-медицинской экспертизе я был новичком, однако это еще не все объясняет. Как бы то ни было, после этой встречи для меня ничто уже не будет как прежде.

Когда Жюльена арестовали, он уже совершил два убийства. Я посетил его в тюрьме одной из провинций, и охранник запер меня с ним в маленькой камере. «Ради безопасности», – заявил он. У меня в глазах потемнело. Я смотрел «Молчание ягнят[8]», и мое представление о серийных убийцах во многом основывалось на сотнях выдумок об этих преступниках. И вот, оставшись наедине с одним из них, я чувствую, как меня мгновенно охватывает буквально осязаемое чувство, что этот человек готов проткнуть мне глаз скреп-

---

[8] Американский фильм «Молчание ягнят» (The Silence of the Lambs), снятый режиссером Джонатаном Демме в 1990 г.

кой или убить шариковой ручкой. Один из моих коллег, навестивший Жюльена до меня, поспешил убраться восвояси, когда тот отказался от беседы. Даже не пытаясь настаивать, он тут же развернулся и ушел. И теперь, сидя напротив этого субъекта, я прекрасно понимал почему. Со мной Жюльен согласился увидеться. Он был в хорошем настроении.

Преступный путь Жюльена начался с самой обычной кражи со взломом. Мелкий хулиган проникает в пустой дом, но тут на пороге появляется хозяйка. Дом находится в нескольких кварталах от жилища его матери, а сама женщина – ее ровесница. Всем опрошенным мною серийным убийцам я задавал вопрос: не является ли это перемещенным матереубийством?[9] Здесь мы наблюдаем один важный аспект, к которому я еще вернусь.

Убив несчастную, Жюльен насилует ее извращенным способом, а затем принимается расспрашивать труп жертвы о преисподней. Однако ответы мертвой разочаровывают. Демонология – его хобби. Сатана, демоны, всемогущество лукавого – изо всей этой бесовской мешанины и возникают образы, подпитывающие его бред. Он натыкается на пожилую женщину, убивает ее, и скорее всего здесь имеет место то, что я называю «покоряющим опытом», – настолько привлекательным, что преступник будет вынужден повторить его.

---

[9] Имеется в виду перенос желания убить собственную мать, что по каким-то причинам невозможно сделать (наличие внутренних психологических барьеров или внешних факторов), на другой, чем-то похожий внешне или по характеру субъект. – *Прим науч. ред.*

Обнаружив свою способность совершать такие действия, он испытывает удивление и наслаждение.

После первого убийства он ускользает от правосудия.

Жюльен был знаком с пожилым господином, которого в каком-то смысле считал дедушкой. Несомненно, это был единственный в мире близкий ему человек. Как-то раз они вдвоем играют в карты, Жюльен хватает железный прут и убивает старика. Затем убийца отрезает жертве голову и ставит ее на этажерку. Некоторое время спустя он кладет голову в рюкзак и отправляется на прогулку. И по сей день описанная Жюльеном сцена, как он с приятелями болтает в спортбаре, а отрезанная голова покоится в его рюкзаке, представляется мне жуткой и совершенно противоестественной. В противоположность черепу из «Гамлета», голова в данном случае вовсе не метафора. Она настоящая, и Жюльен с ней разговаривает. Он действительно расспрашивает голову о потустороннем мире и видит, как она моргает глазами. И снова он не получает ожидаемых ответов.

Я уже успел не раз покрыться холодным потом от рассказов о его преступлениях, когда Жюльен перешел к особенно омерзительному эпизоду. У него был любимый кот. Убив животное, Жюльен извлек внутренности и поместил их в стеклянный шар. Впоследствии, чувствуя, что «демонические» силы иссякают, то есть ощущая опасность перехода к

добру и собственного очеловечивания, он поспешно набрасывался на эту смесь и вдыхал запах, словно в попытке освежиться. Едва ему начинало казаться, что он становится «как другие», Жюльен шел в первую попавшуюся церковь и плевал на Христа. Все средства влить в себя глоток бесчеловечности были для него хороши. В этих тошнотворных испарениях он дышал всемогуществом.

Чем дольше я слушал его, тем больше приходил в изнеможение. Причина была не столько в самих фактах, ведь мне и раньше доводилось сталкиваться с гнусностями, на которые способен человек. Дело в том, что мой ужас от этих рассказов вызывал у него ликование, какую-то омерзительную радость. Осознание этого переполняло меня леденящим страхом. Казалось, будто Жюльен прикасается ко мне, демонстрируя, что для зла не существует преград. Единственное, что сдерживало безумного убийцу, – это четыре стены, в которых я был заперт вместе с ним. Лишь они мешали ему причинить зло людям. Сегодня я ничего не смогу сказать ни о внешности Жюльена, ни о чертах его лица. Ужас, который я испытал, слушая его исповедь, стер все прочие впечатления. Единственное воспоминание о той встрече – то, как он наслаждался моим безумным страхом. Складывалось ощущение, что передо мной демоническое создание, существующее вне каких бы то ни было норм. Во всяком случае, вне моих норм. Он обитает в ином мире, чем мы. Его мир наполняют отрубленные головы, брызжущая кровь, дьявол и труп-

ные запахи.

Описываемые им подробности были невыносимыми. Чтобы ожесточиться, Жюльен занимался своеобразной работой над собой. И это еще мягко сказано. Он пытался искоренить в себе всякий росток человечности – такое определение будет более правильным. По сути дела, он стремился к обезличиванию и обезжизниванию. Эти процессы, будучи однажды запущенными, уже не прекращали в нем свою разрушительную работу. Таким был его способ обозначить: «Я не сошел с ума, но сам решил, что больше не являюсь человеком». Казалось, мое нарастающее плохое самочувствие укрепляло его веру в собственные силы. Мне уже доводилось слышать рассказы о жестоких преступлениях от тех, кто их совершил, но такой восторг при виде моего испуга был чем-то новым. Даже в клинике, специализирующейся на лечении серьезных психопатологий, мне никогда не приходилось сталкиваться с подобным поведением. Индивидуумы с крайне извращенным сознанием не реагируют так открыто, если только их патология не связана с множеством сопутствующих психозов и извращений. Позже я подробно остановлюсь на этих клинических определениях, мало знакомых неспециалистам.

Выйдя из этого противостояния, я был ошеломлен, опустошен и испытывал приступы тошноты. Тюрьму я покинул со стойким, буквально физическим ощущением того, что пообщался с дьяволом во плоти. У меня была острая потребность разделить с кем-то свой страх и прийти в себя.

Я поспешил к телефонной будке: мобильная связь тогда не была распространена. Позвонив нескольким друзьям, я сообщил им: «Только что я видел дьявола!» Я был совершенно сломлен.

Впервые у меня было ощущение, что я теряю жизненные силы, находясь рядом с больным, который старается меня их лишить. Жюльен пребывал во власти полного безумия и в то же время прекрасно контролировал взаимодействие со мной. Можно быть профессионалом, проведя экспертизу сотен преступников, но все равно есть две или три вещи, которые навсегда оставят след в вашей памяти. Это не обязательно будут самые жестокие эпизоды. Ими могут оказаться ситуации, в которых вы почувствуете собственное бессилие, когда столкновение с немыслимым затронет вас особенно глубоко. Не могу сказать, будет ли Жюльен преследовать меня до самой моей смерти, но знаю наверняка, что тогда случилось нечто вроде переломного момента. Похоже, и для меня настало время сделать малоприятное открытие. Что-то вдруг произошло с моим оптимизмом и уверенностью в разумности человеческого существования. Я по-прежнему считаю, что зло не всегда берет верх над добром, однако пережитый опыт изменил мой взгляд на человека. Вызвал ли у меня этот опыт сильнейшее желание узнать больше, выйти за рамки имеющихся знаний в психиатрии, понять, как было создано такое существо? Без сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.